

ЕКАТЕРИНА РОМЕРО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алихан
РАБЫНЯ ДЕМОНА

18+

Екатерина Ромеро

Алихан. Рабыня демона

Серия «Жестокий фентези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67884804

SelfPub; 2024

Аннотация

Я стала бесправной рабыней жестокого и беспощадного демона, полководца армии Тегерана, который одним только взглядом своим способен причинить мне невероятную боль. У него нет души и сожаленья, он даже не человек, и я должна покориться ему, или умереть.— Ты знаешь, что бывает с беглыми рабами или так сильно захотелось стать кормом для здешнего зверья?— Я не ваша рабыня! И не собираюсь больше находится с вами.— Ты посмела сбежать от своего хозяина, Саназ, и будешь наказана за это.— Как это наказана...что это значит? Вы не посмеете!Непонимающе смотрю на Алихана, а после поворачиваю голову и вижу несколько подошедших слуг воина.— Парс, привязать ее к ближайшему столу# Очень жестокий герой# Откровенные сцены# Девственница# От ненависти до любвиПредупреждение! Строго 18+

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Екатерина Ромеро

Алихан. Рабыня демона

Глава 1

Вспышка огненного света и чьи-то грубые, невероятно цепкие руки – последнее, что я запоминаю, прежде чем провалиться в какую-то черноту. Кажется, меня сбила машина или я попала под поезд, потому что, наверное, так и выглядит смерть. Пустое, бескрайнее ничто, которое не имеет конца или времени.

Я не знаю, сколько проходит часов или дней, но из пучины темноты я все же вынырываю, но будит меня не привычный будильник перед парами, а жуткая боль в боку. Кажется, это был пинок чьего-то ботинка, и он буквально выбивает воздух из моих легких на несколько секунд, заставляя скрутиться в три погибели.

– Вставай, шариха. Шевели копытами, живее!

С трудом разлепляю веки. Кажется, я лежу на каком-то деревянном помосте, вот только почему-то он весь красного цвета. Жгущая боль в боку не дает вздохнуть нормально, поэтому я прикладываю к нему руку и пытаюсь поймать ртом хоть немного ценного воздуха.

Господи, где я... Ничего не понимаю, не помню. Я же се-

годня шла к Маринке, своей давней подруге. Мы должны были вместе учить английский. А потом... просто вспышка света перед глазами – и больше ничего.

На улице было жутко жарко, поэтому из дома я выскочила в одной только майке и тоненькой белой юбке по колено, которая почему-то сейчас тоже стала красной. Как и мои руки.

Я пытаюсь встать, и ладони мои тут же становятся мокрыми, словно в лужу угодила. Вот только вода у нее какая-то странная. Багровая или... это вовсе не вода! Господи, это кровь!

Судорожно вытираю руки и осматриваюсь по сторонам. Сразу же ладонь ко рту прикладываю, когда вижу, из кого текла эта кровь. Из голых тел двух девушек, которые лежат всего в паре метров от меня на все том же деревянном помосте. Их глаза открыты, стеклянные словно, и, кажется, они больше никогда не смогут видеть ими этот мир.

Увиденное тут же провоцирует жесткий приступ тошноты, и меня выворачивает от произвольных сокращений желудка. От страха я не могу вымолвить ни слова. Как цепенею вся, застываю на месте.

– Шевелись, если не хочешь, чтобы тебя постигла такая же участь! Они тоже слишком много думали.

Поднимаю глаза и вижу перед собой высокого жуткого мужчину, который держит огромную цепь в руке, обмотанную вокруг его ладони. Он одет в черную кольчугу и коричневые штаны, а еще от него идет такой зловонный запах, что

я невольно отползаю назад.

— К... кто вы? Господи, что это за место, где я?

— Молчать! Еще одно слово, и я отдам тебя своим собакам. Видишь, вон они, мои красавцы. Голодают с самого утра. Пошла, быстрее!

С ужасом поворачиваю голову и вижу у дерева двух псов, которые на самом деле мало похожи на мирных и добрых собачек. Нет. Это какие-то четырехлапые черные твари, которые имеют просвечивающийся позвоночник и черные зубы. Их глаза красные, а изо рта постоянно течет белая пена.

Этот страшный человек хватает меня за остатки моей одежды и тянет куда-то вперед. Я пытаюсь вырваться, но у меня совсем нет шансов. Громадина гораздо сильнее, он волочит меня по земле, как какого-то котенка, не обращая внимания на то, что по пути я сдираю свои коленки до мяса.

В висках пульсирует боль, я судорожно оглядываюсь по сторонам и в то же время хочу выколоть себе глаза от увиденного. Это похоже на какой-то очень древний лес, из разных уголков которого то и дело доносятся крики.

Где-то пылает яркий огонь. Такой красный, что на него смотреть больно. Откуда-то слышатся крики о помощи, жуткий плач и истошный вой, который заставляет мое сердце биться в бешеном темпе.

Звук металла заставляет очнуться от шока и с ужасом посмотреть вниз. Это что... оковы? Мне на ноги этот страшный урод надевает грубые металлические кандалы, изнутри по-

крытые шипами. Они тут же больно впиваются в голую кожу щиколоток, сковывая мои движения. Я даже пикнуть не успеваю, как они захлопываются, издавая неприятный ржавый скрежет.

– Нет, вы с ума сошли!

– Ты слишком много говоришь для товара. Пошла!

Осознание приходит постепенно, но верить в это я просто отказываюсь. Меня похитили. Чтобы... продать. Как вещь на базаре.

Теперь я могу делать только небольшие шаги. Любая попытка снять кандалы тут же заканчивается порезами на моих ногах. Острые шипы впиваются в кожу, даря невероятно острую парализующую боль.

Я могла бы подумать, что это шутка такая, розыгрыш дурацкий, но все это просто невозможно симитировать. В том, что это совершенно иная страна, я уже даже не сомневаюсь, однако что это за страна такая, в которой даже солнца нет? Только небо темное, затянутое оранжево-серым туманом. А ещё тут холодно. До такой степени, что, будучи в простых кедах, я быстро чувствую, как мои ступни промерзают насквозь, а тело просто деревенеет от мороза.

– А-а-а-а! Помоги, помоги мне! – из пучины мыслей меня вырывает чей-то истошный, отчаянный крик, который раздается совсем рядом. Если до этого я думала, что, увидев кровь и трупы, испугалась, то нет. Я пугаюсь именно этого зрелища, от которого не могу сделать и вдоха. В нескольких

метрах от меня прямо на костре горит совсем молоденькая девушка. Ее сжигают. Живьем. Она совершенно обнажена и привязана к столбу, вокруг которого намощено много сухого сена. С ужасом понимаю, что это сделано специально. Чтобы она горела лучше. Быстрее!

Ее рыжие длинные волосы буквально плавятся от жара огня, а кожа уже вскрылась огромными волдырями, которые начали лопаться на костре.

– Господи, сейчас. Подожди!

Я срываюсь с места, чтобы помочь этой несчастной, но уже на второй шаг кулем падаю на землю. Ай, мои ноги! Кандалы впились в кожу так сильно, что из нее пошла кровь.

– Сука человеческая, ты так до базара совсем товарный вид потеряешь. А ну, пошла!

Чувствую жесткий захват грубой руки на волосах, который одним махом сдирает меня с земли.

– Она умирает! Эта девушка на костре, помогите ей! Что вы за звери такие? За что, что она сделала?

Я ору на это существо напротив себя и понимаю, что ему все равно. С таким же интересом он бы смотрел на шашлык, который поджаривают к ужину. Уже через секунду истошные крики девушки прекращаются, и взамен я слышу отвратительный запах горелого мяса, от которого меня снова тошнит, и я буквально пополам складываюсь.

Когда голову поднимаю, понимаю, что я сделала ошибку.

Я привлекла внимание этого уродца, который теперь пожирает взглядом мои голые ноги.

– Я бы с радостью поменял вас местами, человечка, однако эта девица уже поджарилась, а ты слишком хороша для такой участи. Иди сюда!

Монстр тянет ко мне свои гнилые лапы, но я с силой отталкиваю его ногой, заваливаясь назад. Проходит еще секунда, когда он поднимается и, рыча, буквально наваливается на меня, больно впечатывая в землю. Его руки до темноты в глазах сдавливают мою талию, задирая юбку, а меня словно парализует от шока.

– Гаро, слезь с нее! Эта шлюха будет дорого стоить, не смей портить. Слезь, я сказал!

Кажется, я срываю голос, пока, наконец, этого монстра не сдирают с меня не менее страшные мужчины. Они также очень странно одеты и смотрят на меня так, словно я какое-то диковинное существо.

Поднимаюсь на ноги, обхватывая себя руками. От ужаса меня всю колотит, и я даже сказать ничего не могу, лишь слезы чувствую на горячих щеках. Кажется, мне все еще холодно, однако я уже этого не ощущаю. За восемнадцать лет жизни никто и никогда не смел вести себя так со мной, а теперь... даже за человека не держат.

Только спустя минуту до моего обезумевшего от страха разума доходят последние услышанные слова этого суще-

ства.

– Стойте! Что значит дорогого стоять? Куда вы меня ведете? Где я нахожусь?

– Мы едем в Тегеран, столицу Хамадана. А ты наш самый ценный товар, человечка. За тебя отвалят кучу золота. Готовься ноги раздвигать.

Лихорадочно пытаюсь переварить услышанное. Тегеран, товар, золото. Нет, быть такого не может. Только не со мной.

– Отпустите меня немедленно! Вы не имеете права!

Слышу лишь громкий, омерзительный смех вокруг.

– Ха, а ты смелая, но тупая. Еще одно слово, и будешь гореть на костре, рядом со своей подругой. Сена у меня хватит на всех.

Мой похититель показывает на уже обуглившийся черный труп этой несчастной девушки, и, кажется, я отключаюсь снова.

Глава 2

Прихожу в себя от жутко громкого галдежа вокруг в какой-то тесной ржавой клетке. Во рту дико сухо, а еще жутко болит голова. Поднимаюсь на колени и вижу вокруг такие же клетки, как и моя. Кажется, их тут сотни. Все они расставлены в два ряда на большой открытой площади и стоят прямо на холодной сырой земле.

В клетках этих сидят самые разные животные и птицы, а еще... люди. По большей части молодые девушки и парни, которые имеют такие же кандалы на ногах, как и у меня.

Мимо клеток снуют прохожие, с интересом разглядывая их содержимое. Кто-то торгуется, кто-то уже рад купленному товару. А у меня кровь стынет в жилах, когда я понимаю, что я тоже товар. Такой же, как и все остальные здесь.

– Выпустите меня! Немедленно откройте клетку. Помогите!

Что есть силы колочу по прутьям этой проклятой клетки руками и ногами, но, кроме боли в коже от кандалов, не добиваюсь ровным счетом ничего. Прохожие так и идут мимо, лишь бросая на меня взгляды, полные равнодушия. Уже через минуту безумного пинания клетки с ужасом обнаруживаю, что я босая. Эти сволочи стащили мои кеды, и теперь я стою без обуви на ржавом и холодном металле.

Отползаю в самый дальний угол клетки, когда мой гром-

кий крик внезапно привлекает одного покупателя, и он вплотную подходит ко мне. Этот человек, если его можно так назвать, жадно смотрит на меня, словно выбирает зверька на базаре. У него огромный надутый живот и уже поредевшая мерзкая серая борода. Глазки темные и мелкие, а лицо обрюзгшее и красное, как у последнего алкоголика.

– Повернись, товар.

С ужасом понимаю, что это он мне говорит, и только дальше забираюсь в свою клетку, как в единственное возможное укрытие сейчас, но грубая толстая рука нагло пролазит через прутья и хватает меня за голову, заставляя посмотреть в заплывшие глаза.

Этот урод крутит мое лицо по сторонам, довольно прищмокивая.

– Ай, не трогайте меня!

С трудом вырываюсь из его лап, стараясь утихомирить подкативший к горлу приступ тошноты. От этого человека воняет не меньше, чем от того охранника, который набросился на меня в прошлый раз.

– Строптивая, но мне нравится. Гаро, сколько хочешь за этот товар?

– Тысячу золотых.

– Ха, Гаро, ты свихнулся? Посмотри на нее, кожа да кости. Обычная человечка. С моими клиентами она загнется уже через неделю. Даю пятьсот, и то много будет.

– Икран, я за нее торговаться не собираюсь. Чистая кожа

да белые как снег волосы этой человеческой суки чего только стоят. Нет золотых – проходи мимо, я ее и так продам. Тысячу или проваливай.

Тот, кого называли Икраном, продолжает нагло сверлить меня взглядом, явно взвешивая, стою ли я названной суммы, и впервые в жизни я жалею, что родилась натуральной блондинкой с белой кожей и ясными голубыми глазами. Тут же волосы свои длинные сгребаю в охапку и скручиваю в узел тугой, чтобы их не было видно, но, кажется, уже слишком поздно.

– Ладно, паршивый ты торгаш. Беру.

С ужасом смотрю, как отекающей грязной рукой Икран вытаскивает коричневый кожаный мешочек из кармана и достает оттуда золотые монеты. Много звенящих и искрящихся на свету монет. Целую охапку. Он пересыпает их Гаро прямо в руки, после чего моя клетка открывается, и меня грубо выволакивают из нее, бросая прямо на землю.

Икран стоит напротив и довольно смотрит на меня, поглаживая свой отвратительный живот через дырявую накидку.

– Вставай, шкура. У нас мало времени. До вечера надо добраться. Мои клиенты ждут. Пошли.

Грубая рука сжимается на моем предплечье так сильно, что у меня аж искры из глаз сыпятся.

– Пустите, мне больно! Вы что, с ума сошли? Я вам не вещь, чтоб на базаре покупать. Немедленно отпустите меня!

Отталкиваю его, но тут же оказываюсь в захвате крепких

рук. Этот урод с такой силой сжимает мое горло, что мне начинает критически не хватать воздуха, а перед глазами сразу все темнеет. Он долго не отпускает своей руки, и я чувствую, что еще немного – и я просто задохнусь от удушья.

– Теперь ты моя шармута. И будешь делать то, что я тебе сказал. Мой товар не разговаривает. Он работает, и ты тоже скоро будешь работать. Пошла!

Икран отпускает меня, и я тут же на землю падаю, но передохнуть мне никто не дает. Грубый толчок в спину заставляет быстро подняться и идти дальше молча. Я поглаживаю рукой свою раненую шею и не решаюсь больше провоцировать этого уродливого монстра.

Только спустя несколько минут замечаю, что Икран не только одну меня ведет. Вероятно, сегодня у него был очень удачный выторг на рынке, так как он тащит еще нескольких девушек, явно купленных на том же базаре. Все мы связаны между собой тяжелой цепью, пронизывающей наши кандалы и жутко скрипящей при каждом шаге.

Я не знаю, сколько мы проходим, миную сотни деревьев, но от слабости меня совсем покидают силы, и в какой-то момент я просто сваливаюсь на колени, тормозя этим всю колонну. Осознание того, что я попала в какой-то жуткий плен в другой стране, не дает даже вздохнуть нормально. Слезы страха и обиды душат меня, а надежда кажется такой призрачной, что я не вижу даже ее проблеска.

– Я не могу больше. Я очень устала. Дайте мне воды.

Сглатываю, пытаюсь хоть как-то смочить свое сухое горло, но толку мало. Я слишком долго не пила, потому сейчас ощущаю лишь едкую горечь во рту.

Видя, что колонна остановилась, Икран быстро подходит ко мне, недовольно окидывая взглядом.

– Чего ты не идешь, шармута?

– Я пить хочу. И я не знаю, что значит “шармута”.

– Это значит шлюха, которой ты будешь работать.

– Что?! Я никакая не шлюха!

Вскакиваю на ноги, сжимая руки в кулаки. Еще более мерзкого существа я в жизни не видела, и если Икран думает, что заставит меня быть чей-то подстилкой, то очень в этом ошибается.

– Ты товар, человеческая шармута, поэтому помалкивай, пока я добрый. Ты просто тело, которое очень скоро будут трахать мои клиенты.

– Нет, прошу. Вы не можете так поступить со мной!

– У тебя больше нет права голоса. Мой товар только ноги умеет раздвигать. Хочешь пить? Пей. Вон вода.

Он показывает мне обшарпанной рукой на какую-то ближайшую лужу, которая настолько грязная, что я даже дна ее не вижу. От подступающих слез мне трудно говорить. Услышанное просто лавой меня обливает. Он же не серьезно это, да?

– Я не буду эту воду пить. Вы что, не видите, какая она грязная?

Едкий противный смех раздается над самым ухом.

– Значит, ты еще недостаточно подышаешь от жажды. Пошла!

– Подождите, стойте! Скажите, где я нахожусь, что это за страна?

Икран останавливается, окидывая меня пренебрежительным взглядом.

– А люди и правда умом не отличаются, вижу я теперь. Оглянись по сторонам. Знаешь ли место получше? Ты в округах Ширеза, человечка, уже к самому городу скоро подойдем. Вы, людишки, почему-то любите звать это место адом, но мы называем наш мир Хамадан.

Он произносит это с невероятной гордостью, а у меня спирает дыхание. Я не верю в это. Этого просто не может быть. Ад. Я что, в аду?!

– Шевелись, у нас мало времени.

Икран больно толкает меня вперед, и я молча ступаю дальше, стиснув зубы и роняя горькие слезы. Вокруг стоит такая холодина, что мне приходится все время обхватывать себя руками, чтобы хоть немного согреться. В некоторых местах мороз настолько сильный, что я вижу обледеневшие ручки, однако почему-то они не синего, а зеленого или темно-серого цвета.

Мои босые ноги очень быстро замерзают, и я даже не представляю, как буду продолжать ступать дальше, при этом не стерев стопы до крови и не отморозив их напрочь.

Мы идем дальше, кажется, еще несколько часов. От усталости я уже едва ноги волочу, пить хочется еще сильнее, но я даже не думаю больше окликать Икрана. Мне с головой хватило воды, предложенной им из лужи.

Я замираю на месте, когда издалека вижу целую свиту каких-то воинов, которые выходят из-за гор и направляются прямо к нам. Они похожи на какой-то большой сбор дикарей, вооруженных до зубов различными мечами, копьями и топорами. Этих мужчин так много, что я невольно назад отступаю, насколько еще позволяют мои кандалы.

Икран тоже замечает дикарей и заметно нервничает. Он дергается бежать в сторону, но уже слишком поздно. Свита заметила его, ему не скрыться, поэтому он так и застывает на дороге, произнося тихо какие-то неизвестные мне причитания.

Уже через минуту мы все оказываемся захваченными в большое кольцо. Дикари обходят нас со всех сторон, перекрывая любые попытки побега огромными лошадьми. Эти животные какие-то ненормально крупные, отчего я едва ли смогла бы дотянуться до длинной гривы хоть одной из них.

Оказавшись в этом захвате, я невольно прикладываю руки к груди. Мне хочется закрыться от диких глаз этих воинов, которые с жадностью смотрят на всех девушек, но на меня почему-то глазают больше всех, словно я какое-то редкое животное, которое они нашли в лесу.

Внезапно свита расступается, пропуская вперед самого

крупного воина из всех, на черной лошади, и я замираю от увиденного. Этот мужчина просто огромен, словно какая-то гора из мышц. Он точно будет больше двух метров ростом, и это как минимум. У него темная бронзовая кожа и черные как смоль волосы, вплетены по бокам в какие-то узоры. На широких запястьях виднеются черные отметины, словно татуировки с неизвестными мне знаками.

У него совсем нет рубашки или хоть какой-то накидки, хоть по ощущениям на улице точно минусовая температура. На дикаре надеты только штаны с черными огромными ботинками и очень широкий пояс, на котором виднеется блестящий меч.

Мощными руками великан сжимает кожаные поводья лошади, которая слушается его беспрекословно, выдыхая серые клубы воздуха на этом морозе. Сглатываю от страха, когда вижу на широкой груди дикаря целое ожерелье из каких-то острых клыков. На некоторых из них отчетливо виднеются капли крови, будто это совсем еще свежий трофей.

Но страшнее всего вовсе не ожерелье этого воина, а его лицо. У него мощный подбородок, прямой нос и тонкие губы. Густая черная борода перекликается с такой же черной растительностью на груди, уходящей прямо под пояс. Страшные зеленые глаза обрамлены черными ресницами и бровями с острым изгибом. На одной брови виднеется крупный рваный шрам, который тянется практически до виска, рассекая кожу.

При виде этого воина Икран тут же на колени падает, кланяясь его лошади в самые ноги. Мы же с остальными девушками быстро переглядываемся, непонимающе смотря на такую реакцию того, кто еще минуту назад вел себя как настоящий король перед нами.

– Мой Господин, как я рад встретить вас.

Не узнаю голос Икрана. Вместо громкого и мерзкого сейчас он тихий и умоляющий. Этот обрюзгший мужик просто дрожит перед этим воином, как заяц, стоящий перед волком.

– С нашей последней встречи ты так и не научился врать, Икран. Я надеюсь, ты не забыл про свой долг так же, как не забыл, кто твой Господин.

Голос этого воина громкий, очень низкий и пронизанный сталью. Почему-то он тут же заставляет меня всю сжаться в какой-то мелкий комочек. Так только полководцы разговаривают, и я невольно понимаю, что он тут главное всех. Он их господин.

– Мой хозяин, у меня нет монет сейчас, но я все верну, обещаю. Я работаю, стараюсь, правда, но клиентов все меньше. Никто не может себе позволить покупать мой лучший товар. Но поверьте, с сегодняшним выторгом я быстро все откуплю. Прошу, дайте мне еще немного времени.

– Твое время вышло, наглый лживый шакал. Я не буду ждать, пока ты снова спрячешь свою поганую шкуру от меня подальше.

Воин вытаскивает свой огромный меч, и Икран тут же на

колени пред ним падает, складывая руки в умоляющем жесте. Я впервые замечаю, как этот мужик чего-то так сильно боится.

– Нет! Только не убивайте, умоляю! Вот. Посмотрите сюда. Возьмите ее. Она мой самый ценный приобретенный товар за последние годы. Десятилетия даже. У меня нет ничего дороже нее. Заберите в уплату долга. Эта белокожая женщина невероятно ценна и редка. Нигде такой рабыни больше не найдете. Ее молодое тело принесет вам истинное наслаждение, уж поверьте старому псу.

Икран стоит на коленях и при этом дрожащей рукой указывает в мою сторону. Прямо на меня, отчего у меня тут же начинается неистово колотиться сердце от страха. Да как он может! Просто предлагать меня как какой-то товар этому дикарю!

Я боязливо поднимаю глаза на воина и впервые встречаюсь с ним взглядом. И смотрит он на меня своими страшными зелеными глазами так пренебрежительно, словно я не ценнее, чем горстка тухлой земли. От взгляда этого дикого почему-то не по себе становится. Он словно обжигает мою кожу холодом могильным, от которого хочется скрыться за всеми стенами мира.

– Зачем мне твоя бесхозная шармута? Она ничем не отличается от моих других рабынь. У меня их тысячи, если ты забыл. Еще одна мне не нужна.

– О нет, мой Господин. Это человеческая женщина. Она

юна и красива. Вы сможете ею насладиться сполна. Не тронута еще ни одним моим клиентом. Только сегодня купил. Слово Икрана.

Икран поднимается и ко мне близко подходит. Одним махом он хватает меня за лицо и рывком распускает мои скрученные длинные волосы, которые я так тщательно старалась скрыть от всех.

– Вот. Посмотрите на ее кожу и волосы, это же чистый снег. А глаза какие светлые, как аквамарины. Редкой породы существо.

Длинные густые локоны тут же спадают мне на прикрытую грудь, опускаясь до талии, а мне... умереть хочется от этого унижения. Икран меня презентует воину, точно зверушку на всеобщее обозрение, но, кажется, это только начало пытки.

– А тело ее – это же чистый мед. Услада для глаз. Мой Господин, сами посмотрите!

Громко вскрикиваю, когда грубые лапы Икрана буквально раздирают на мне майку и больно перехватывают руки, заводя их назад и показывая всем мою голую грудь второго размера. Она тут же на этот адский холод реагирует, покрываясь мурашками, а я плакать начинаю. От унижения.

Я пытаюсь прикрыться, но этот зверь в десятки раз сильнее. Все, что я могу, – лишь стыдливо рыдать, пока меня буквально пожирают глазами сотни мужчин. Они разорвут меня прямо тут. Даже следа не останется.

Слышу едкое улюлюканье этих дикарей. Кто-то присви-

стывает, кто-то начинает оголтело орать. Сквозь застилающие глаза слезы я замечаю, как этот страшный огромный воин все еще смотрит на меня. И глаза его зеленые при этом загораются каким-то странным ярко-оранжевым пламенем. Таким дьявольским, что я впервые жалею, что все еще не погибла в этом аду. Как у человека вообще такое с глазами случиться может, чтоб они взяли и поменяли цвет, загорелись просто?

– Так и быть, Икран, я возьму у тебя эту шармуту, но только в качестве извинения. Она не стоит и десятой доли твоего долга. А чтобы ты больше не забывал о том, что должен мне, я оставляю тебе напоминание.

Одним махом воин молниеносно отсекает Икрану полруки своим большим мечом, отчего тот начинает истошно орать, падая на землю в муках боли и катаясь по ней. Из рубка его руки ярко-красным фонтаном брызгает кровь прямо на землю и траву, из-за чего я едва сдерживаю свою тошноту.

Все, что я могу в этот момент, – быстро схватить ошметки своей майки и прикрыться ею, лихорадочно переваривая только что услышанное. В эту секунду я еще не понимаю, что значат слова воина. Как это забрать, куда, зачем? Как это вообще возможно?

Все происходит слишком быстро. Тот, кого тут все именуют Господином, быстро спрыгивает с лошади и идет прямо ко мне. Этот огромный мужчина все ближе, так как он неве-

роятно высокий, а его шаг, наверное, равняется моим трем.

В его руке тот самый меч, которым еще минуту назад он отсек руку Икрану. С него все еще капает свежая алая кровь. В этот момент я понимаю, что дикарь намного больше, чем мне показалось изначально, и, кажется, он идет, чтобы убить меня.

Что есть сил быстро отползаю назад, но воин не дает мне сделать ни шагу больше, настигая в считанные секунды. Он наступает мощной ногой на цепь от моих кандалов, предотвращая любую попытку побега. Словно огромная гора, этот страшный мужчина возвышается надо мной, заставляя мое сердце неистово стучать от ужаса.

– Мое имя Алихан. Я полководец армии Тегерана и твой новый хозяин. Отныне ты моя рабыня и будешь мне подчиняться. Во всем.

Я стою перед этим огромным воином на коленях, прижимая разорванную майку к себе, и не верю в то, что слышу. Меня так сильно колотит от жуткого страха и пронизывающего холода, что я даже ответить ничего не могу. Слово окаменела вся, застыла и чувствую только, как соленые слезы стекают по обледенелым щекам.

Если до этого я думала, что, когда попала в лапы к Икрану, мне не посчастливилось, то теперь я понимаю, что настоящий ад для меня только начинается.

Глава 3

Услышанное ушатым ледяной воды обрушивается на меня. Я не верю в это. Этого просто не может быть. Я стою перед этим огромным воином на коленях. Он все так же наступает ногой на мою цепь, словно я какая-то собака дворовая, которую хотят приучить к месту. Немыслимо.

– Нет, пожалуйста! Я не ваша рабыня. Отпустите меня. Я домой хочу.

Сжимаюсь вся и замираю на месте, когда огромной рукой мужчина берет один локон моих светлых волос и перебирает его пальцами. Он не делает мне больно, но от одного только понимания, что дикарь сейчас смотрит на меня как на простой товар, а не на человека, горит все тело.

Его суровое лицо могло бы показаться мне притягательным, если бы не было таким жестоким и страшным в этот момент. Он слишком близко, и от близости этой я даже дышать не могу. Стараясь сдержать всхлипы и все так же обхватывая свое дрожащее тело руками, смотрю на меч его огромный, с которого уже натекала целая лужа алой крови, промочив ею сухую землю.

Эта близость кажется мне запредельной и неправильной. Воин словно заполнил собой все пространство, и мне не хватает воздуха рядом с ним. Он слишком близко и опасно ко мне. Дикарь может убить меня одним махом, а я... даже ис-

пугаться не успею.

– Необычная. Саназ будешь.

Непонимающе хлопаю на него ресницами. Он что, только что новое имя мне дал? Ну уж нет. Не бывать этому!

– Я не Саназ! Я Вика. Меня Викторией зовут.

– Больше нет. Ты моя рабыня и будешь носить то имя, которое я тебе дал. Ты теперь Саназ. Вставай, рабыня. Поклонись своему Господину.

– Нет, пожалуйста, вы не можете! Я домой хочу, родителей увидеть хочу! Прошу, отпустите меня.

Я смотрю на Алихана снизу вверх и не нахожу в нем ни единой эмоции жалости или сострадания к себе. Он словно камень твердый, скалистый, и веет от него лишь холодном могильным, а еще... презрением. Ко мне. Словно я не важнее, чем жалкая маленькая мошка, пролетающая над его головой.

– Домой ты никогда больше не вернешься, человечка. Я прощаю тебе на первый раз непокорство, видя, что ты молода и глупа, но не думай, что второй раз тебе это сойдет с рук. Можешь считать, что ты умерла. Для всех. Шамиль, дай этой рабыне накидку и поставь с другими рабами. Едем. Мы должны пересечь границу Таара до наступления ночи.

Услышанное больно бьет меня в грудь. Дикарь не пощадил меня. Не услышал ни единого моего слова о помиловании.

– Что? Нет, умоляю, не делайте этого! Не поступайте

так со мной... – дрожащим голосом прошу этого огромного мужчину, но сквозь слезы вижу лишь, как Алихан молча разворачивается и одним махом на свою лошадь черную запрыгивает. Он больше ни разу так и не взглянет на меня. Кажется, этот страшный полководец забывает о моем существовании в эту же секунду.

Поджимаю под себя ноги, стараясь унять невероятную дрожь в теле от холода и шока, пока не чувствую чужие руки на своем предплечье, больно сжимающие его.

– Вставай, рабыня. Надень это. Поторопись, если не хочешь, чтобы тебя постигла та же участь, что и твоего прошлого хозяина.

Поднимаю голову и вижу напротив себя мужчину средних лет, с уже начавшими сесть темными волосами. Это тот, кого Алихан назвал Шамилем, и, кажется, он считает его своим помощником.

Шамиль пренебрежительно бросает мне какую-то оборванную холодную тряпку, которая должна будет заменить мне одежду. Она дырявая и совсем не согревает меня, но других вариантов прикрыть грудь у меня просто нет, поэтому я набрасываю эту вещь прямо на голое тело, стараясь хоть немного согреться и спрятаться от голодных взглядов этих дикарей, которые похабно продолжают пялиться на меня.

С ужасом вижу, как уже через минуту меня отстегивают от других девушек и ведут к свите воина, удерживая прямо за цепь. Я оказываюсь привязана к его рабам практически в

самом конце колонны. Все эти люди выглядят просто ужасно. На них такие же оборванные вещи и старая поношенная обувь. Никто из них даже не думает мне хоть в чем-то помогать. Здесь каждый сам за себя, и я понимаю это очень скоро.

Я начинаю идти вместе со всеми, стараясь не упасть от слабости. За все это время я так и не получила ни капли воды, и теперь эта жажда просто убивает меня. Воины следуют на лошадях, их слуги ступают рядом на повозках, а рабы, как я, плетутся пешком. Я не понимаю, куда мы идем и зачем. В эту минуту я просто пытаюсь выжить.

Кажется, мы проходим просто огромные расстояния, пробираясь через леса и открытые просторы. От невероятного холода у меня сильно начинают стучать зубы, и я до хруста в плечах обнимаю себя руками, чтобы просто не окоченеть.

Но хуже всего не это. Все это время я иду босая, из-за чего то и дело наступаю на острые шипы растений или камни, что причиняет мне просто невероятную боль и жжение. Кажется, я уже очень сильно поранила ноги, но никого это не волнует. Благо от жуткого холода я уже практически не чувствую собственных ступней, и это действует на меня как местная анестезия.

Осмотревшись по сторонам, я постепенно понимаю, что только у меня здесь нет обуви. У остальных рабов имеется что-то подобное на ступнях, либо же они просто обмотаны тряпками и закреплены тонким подобием шнурков.

Совсем рядом со мной идут еще три молодые женщины.

Кажется, они такие же рабыни, как и я. Мы не говорим с ними, однако одного только взгляда на них мне достаточно, чтобы понять, что они тут точно не по доброй воле.

В какой-то момент одна из женщин прекращает идти и просто падает на колени. Ее крик настолько вымученный и громкий, что тут же привлекает всеобщее внимание.

– Хватит! Я не могу идти больше. Не могу!

Из-за этой бедной женщины тут же замедляется шаг, и все оборачиваются на нее. Я понимаю, что нужно идти дальше, иначе мы привлечем к себе слишком много ненужных глаз.

– Вставай. Ну же, нельзя останавливаться.

Я подбегаю к ней и помогаю подняться, практически таща женщину из последних сил на своем плече, но она, точно сломанная кукла, отталкивает меня и падает на колени.

– Нет! Пожалуйста, дайте мне отдохнуть. Я не хочу больше идти.

– Милая, вставай. Я умоляю тебя. Поднимайся.

Пытаюсь хоть как-то растормошить ее, но женщина лишь на бок поворачивается. Она настолько устала, что даже не реагирует больше на меня.

С ужасом слышу издалека крики, где-то в свите, и вскоре вижу черную огромную лошадь. В груди холодеет, когда я понимаю, что это тот самый страшный воин. И сейчас он скачет прямо к нам.

– Что здесь происходит?

Мужчина быстро окидывает нас строгим взглядом, от ко-

торого мне тут же хочется закрыться непроницаемой стеной. Он крепко сжимает поводья лошади своими руками мощными, покрытыми татуировками, и я уже представляю, как этими самыми руками он убивает. Безжалостно и разъяренно, как дикий зверь. Невольно назад отступаю. Подальше от него. Этот мужчина вызывает во мне какой-то запредельно дикий страх, который я никак не могу контролировать.

– Она устала. Пожалуйста, дайте ей пять минут передохнуть.

Не узнаю свой голос. Едва слышу его. Он становится тихим перед этим великаном, словно попадая в его тиски.

– У нас нет времени. Вставай, рабыня, если хочешь жить, – воин призывает эту женщину, но она лишь головой качает:

– Не могу больше. Хватит.

Бедная, уже едва шевелится от усталости, смея игнорировать его приказ, отчего почему-то остальные рабы склоняют головы и отворачиваются.

Я не понимаю, что происходит, но проходит всего миг, после которого я истошно вскрикиваю, видя, как Алихан спускается с лошади, хватая эту несчастную и одним махом ломает ей шею. Он делает это так быстро и легко, будто перебивает простую тростинку, словно делает это каждый день.

Воин бросает тело девушки ступающим с ним рядом огромным псам, которые тут же набрасываются на нее, разрывая уже бездыханное тело в клочья в считанные секунды.

– Кто-то еще устал? – стальной голос Алихана пробирает меня до костей. На его вопрос лишь тишина в ответ откликается. Никто не смеет перечить Господину и тем самым лишиться собственной жизни.

Внезапно Алихан дикий взгляд на меня переводит, словно тоже ждет, что я сдамся, но я лишь коротко головой киваю, отползая от него подальше.

От увиденного я просто каменею. Закрываю руками рот, чтобы сдержать громкие всхлипы, вырывающиеся у меня из груди. Он жестокий зверь, монстр, к которому я попала в рабство.

Поджимаю под себя ноги. Мне хочется закрыться всеми стенами мира от этого человека.

Алихан возвышается над всеми, и мне хочется под землю провалиться, хотя кажется, я уже там. Он садится на лошадь и возвращается снова вперед, а я... пытаюсь унять свое бешеное сердце, которое одичало бьется в груди.

Если бы на месте этой несчастной оказалась я, этот страшный мужчина сделал бы то же самое и со мной, даже не задумываясь.

Не знаю, сколько еще мы проходим, но я уже даже не заикаюсь о том, как сильно устала. Все, что я могу, – лишь молча ступать по холодной земле, стараясь не смотреть по сторонам.

Кажется, проходит еще часа три, прежде чем я замечаю, что свита остановилась. Тут же на землю падаю, буквально-

но не чувствуя собственных ног. Я уже радуюсь, что наконец выдалась минута отдыха, но мое предположение напрочь срезает подошедший Шамиль.

– Вставай, рабыня, Господин кличет.

От услышанного тут же в сердце холодеет.

– Зачем?

– Не твое дело это спрашивать. Твое дело подчиняться.

На дрожащих ногах поднимаюсь и следую за Шамилем далеко вперед свиты, даже не представляя, что меня ждет совсем скоро.

Шамиль доводит меня прямо до Алихана и быстро уматывает, оставив меня наедине с этим страшным человеком. Я останавливаюсь в нескольких метрах от воина. Не рискую подходить ближе. Мое сердце стучит так быстро, что я едва дышу. Я не знаю, чего он хочет, так же как и чего от него ожидать.

– Подойди ко мне, Саназ.

Стою на месте и даже не думаю шевелиться. Я не собираюсь подчиняться этому зверю, а тем более откликаться на чужое имя, брошенное мне как собаке.

– Ты что, потеряла слух за эти несколько часов?

– Я не Саназ! Мое имя Виктория. И я не собираюсь исполнять ваши приказы.

Тут же на шаг назад отступаю, когда Алихан поднимается, горой огромной возвышаясь надо мной. Он вплотную подходит и смотрит на меня глазами своими зелеными, дикими,

и от взгляда этого я не знаю, куда себя деть. Он слишком высокий и крепкий. Я даже до груди ему не достаю.

Замираю, когда воин сжимает руку в огромных размеров кулак и проводит костяшкой по моей щеке.

— Как давно ты в Хамадане, шариха?

— Не знаю. Кажется, три дня. Но это не делает меня бесправной рабыней! Я выросла в свободной стране. Я свободный человек!

В ответ слышу лишь едкий низкий смешок великана, словно я сказала сейчас какую-то несусветную ерунду. Да он издевается!

— У тебя нежная кожа, рабыня. Поклонись своему Господину, и я прощу тебя за твою глупую непокорность.

От его прикосновения к своей щеке я замираю, боясь даже шелохнуться, но я скорее сдохну, чем поклонюсь этому зверю, творящему с людьми такое. Рывком его руку отталкиваю от себя, обжигаясь об нее, как об раскаленный уголь.

— Не буду! Я не ваша рабыня, хватит! Я свободный человек и не буду покоряться вашим дурацким правилам. А вы наглый самодовольный дикарь, возомнивший, что может делать все, что ему вздумается! — я буквально выплевываю это в лицо мужчине, отчего разом все вокруг замолкают, обращаясь на нас.

Воины, слуги и рабы смотрят на меня как на сумасшедшую, и, кажется, только сейчас я понимаю, что позволила себе немного лишнего. Но я ведь и правда не рабыня и не буду

никому кланяться. Что это за правила такие, кто их придумал?

Леденею от ужаса, когда в один миг от моих слов темно-зеленые глаза Алихана становятся огненно-оранжевыми. Они словно загораются изнутри, начиная светиться ярким пламенем. Он издает громкий рык и рукой своей огромной хватает одного несчастного парня, который в этот миг просто ближе всего к нему находился.

Вскрикиваю, когда вместо ногтей у Алихана вдруг вырастают огромные и длинные острые когти, напоминающие изогнутые кинжалы. Ими он одним махом вторгается в грудь этого несчастного, вырывая его сердце и бросая уже бездыханное тело на землю.

Тихий ужас накрывает меня с головой от шока и понимания, что предо мной стоит вовсе не человек. Это настоящий демон под видом мужчины. Демон ада!

Зверь сжимает еще бьющееся сердце парня в своей огромной руке, облизывая стекающую с него свежую кровь, а я... вскоре вижу лишь темное небо над своей головой, сваливаясь кулем на землю в настоящем шоке от увиденного.

Глава 4

Прихожу в себя, лежа на холодной земле. На улице уже светает, и со всех сторон слышится звон цепей. Я все еще жива, хоть была более чем уверена, что в тот момент демон убьет меня так же, как и того несчастного парня, сердце которого он просто безжалостно вырвал из груди у меня на глазах. Только потому, что сам того захотел. Только потому, что у него у самого сердца нет. Одна только страшная оболочка демона с чернотой бесконечной внутри.

– Пошли, вперед! – слышу неприятный голос Шамиля, который обходит кругом всю свиту, подгоняя рабов, как стадо овец. Тут же поднимаюсь на дрожащих ногах и из последних сил окликаю его:

– Подождите, стойте!

– Чего еще?

Взгляд этого мужчины не такой, как у Алихана, и я понимаю, что он не демон, но и не человек. Скорее, какое-то иное адское существо более низшего звена, ведь вместо целого ожерелья острых клыков, как у Алихана на шее, у него всего два.

– Скажите, куда мы идем? Зачем?

Шамиль окидывает меня взглядом темных глаз, полным презрения, словно такие, как я, не имеют права даже заговаривать с ним первыми.

– Лучше тебе не быть такой любопытной, рабыня, у нас такие долго не живут. Мы направляемся в Таар. Город мертвых. Наш великий Господин собирает войско. Грядет война.

– А что... ждет там меня? В Тааре?

Шамиль окидывает меня каким-то подозрительным взглядом, после чего бросает небольшую флягу с чистой водой, которую я ловлю как самое ценное, что есть в этом мире.

– То же, что и всех рабынь.

Непонимающе смотрю на него.

– Что вы имеете в виду?

– Неземное удовольствие с Господином или его подданными, а после самое высшее вознаграждение от хозяина.

– Это какое?

– Смерть от его меча.

От услышанного ужаса фляга с ценной водой тут же выпадает из моих заледенелых рук. Шамиль говорит о моей предстоящей смерти как о чем-то совершенно обыденном и неизбежном, а у меня в груди от этого все льдом непробиваемым покрывается.

В этот момент я понимаю, что больше тут просто нельзя оставаться, если хочу выжить. Мне надо найти любой способ сбежать, иначе меня тут точно растерзают, а о помиловании даже думать глупо после увиденного от демона.

Никто меня здесь даже за человека не считает, и Алихан в особенности. Я для него лишь жалкая рабыня, товар, вещь, которую можно на цепи держать, не более. Он думает, что

может делать со мной все что хочет, однако я лучше умру, чем покорюсь этому демону.

Шамиль уходит, и я тут же бросаюсь к поданной мне фляге, успевая подхватить ее до того момента, пока из нее не выльется окончательно вся вода. Как только с упоением подношу горлышко к своему рту, тут же замечаю еще одну рабыню. Она лежит на земле недалеко от меня и протягивает слабую руку ко мне. Ее губы настолько сухие, что уже все покрылись грубыми трещинами, так же как и ладони. Девушка настолько слаба, что даже говорить не может. Беззвучно только просит пить у меня, и я понимаю ее без слов.

Хоть я и сама уже просто умираю от жажды, не могу проигнорировать ее. Я подхожу к этой женщине, наклоняюсь и даю ей свою флягу, которую она с жадностью выпивает до дна. До последней капли.

Через пару секунд я забираю пустую флягу, понимая, что мне самой совсем ничего не досталось, а когда Шамиль соизволит в следующий раз меня напоить, даже не представляю.

Закусываю губу, стараясь приглушить мучающую меня жажду. Ничего. Так надо. Зато я не увижу еще одну несчастную, которой Алихан сломал шею прямо предо мной только за то, что она отказалась идти дальше.

Почему-то образ этого зеленоглазого демона постоянно преследует меня, и хоть я стараюсь не думать о нем, мои мысли все время возвращаются к этому страшному существу под видом огромного мужчины.

Он всплывает у меня перед глазами снова и снова. Я до дрожи боюсь Алихана и не скрываю этого, однако почему-то все равно думаю о нем. Даже когда не вижу. Все время. От него веет только холодом и смертью, однако воин почему-то заставляет мое сердце биться чаще, особенно когда я смотрю на него.

Из пучины мыслей меня вырывает маленький кудрявый мальчишка лет семи, который то и дело носится между рабов с огромной для него корзинкой в руках. Его зовут Тай, и он еще один слуга Алихана. Этот ребенок раздает каждому рабу по небольшому кусочку сухого серого хлеба. В какой-то момент он подходит и ко мне, почему-то протягивая целых два куска в своей маленькой ладошке.

– Тебя не накажут за это, малыш?

Открытая улыбка тут же озаряет детское лицо Тая. Кажется, он тот еще хитрюга. Даже думать не хочу, как он попал в это место и почему вынужден работать на жестокого демона Тегерана.

– Я никому не скажу, что дал тебе больше хлеба. Бери, ты очень худая.

Благодарно киваю и беру эту ценную пищу из рук ребенка. Я быстро съедаю два маленьких кусочка сухого хлеба, которые в этот час кажутся мне самым вкусным лакомством, что я когда-либо пробовала. Голод – странная штука и заставляет ценить самое простое, особенно когда до этого ты ничего не ела последние трое суток.

Хоть у меня и нет воды, эта пища все равно прибавляет мне сил, чтобы идти дальше, вот только ходить я уже практически не могу. За все это время мои босые ступни так сильно сходились и промерзли, что теперь каждый шаг дается с огромными усилиями и трудом.

В какой-то момент я просто сажусь на землю и с ужасом смотрю на свою стопы. На нежной коже виднеются кровавые порезы, которые я пытаюсь протереть обрывками ткани со своей накидки. Кое-где есть потертости и даже раны, которые могут воспалиться в любой момент, отчего я начинаю переживать все сильнее.

Мы идем весь день, проходя густой древний лес полностью, пока не добираемся до скалистого ущелья, усыпанного острыми камнями. Идти мне теперь становится еще хуже. Каждый шаг дается с невероятной болью, но я продолжаю ступать, молча стиснув зубы и стараясь не привлекать к себе внимания.

Все это время я отчаянно ищу варианты побега, однако вокруг меня столько охраны, что я даже думать об этом боюсь, но мыслей о долгожданной свободе все же не оставляю. Я найду выход. Использую любую возможность, чтобы сбежать из этого ада, чего бы мне это ни стоило.

Когда темнеет, наконец свита останавливается, разбивая большой лагерь между ущельями. Я вижу в небе густой черный дым от огромных полыхающих костров, которые зажигаются практически в одночасье.

Дойдя до одного из таких костров, осторожно подползаю к нему ближе, пытаюсь согреть свои заледенелые ноги и хоть немного очистить их от крови. Кажется, от ржавых кандалов у меня началось воспаление кожи, и я даже не представляю, как буду выживать в таких диких условиях без элементарных антибиотиков или бинтов.

Воины Алихана тоже сидят у таких костров, с интересом бросая откровенные взгляды на меня, отчего мне приходится быстро закрыть свою голову накидкой. Они глазают на мои светлые волосы и белую кожу с таким неприкрытым голодом, отчего мне тут же становится не по себе.

Ночь опускается все больше, и я замечаю, как часть воинов самого высшего ранга начинают бесцеремонно разбирать самых откровенно одетых рабынь. Они просто хватают их как товар, раздевают догола и начинают терзать их тела прямо у скал. Эти дикари врезаются в них, совершенно не щадя, собирая их крики.

От увиденного мне тут же становится до ужаса страшно, поэтому я опускаюсь к самой земле и отползаю назад, подальше от этих животных. Я быстро пчусь назад, даже не смотря по сторонам, и вскрикиваю, когда спиной врезаюсь в чьи-то ноги. Дыхание перехватывает, когда понимаю, кому принадлежат эти черные ботинки.

Оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с зелеными глазами Алихана. Он смотрит на меня сверху вниз, словно я какая-то мелкая букашка, которая не вовремя попала ему под ноги.

– Рад, что ты так соскучилась по своему хозяину и решила мне поклониться.

– Что? Нет, я не кланялась вам!

Тут же на ноги вскакиваю, морщась от боли, причиняемой кандалами, и это не ускользает от цепкого взгляда демона.

– Как тебе кандалы, рабыня, не жмут? Я могу ослабить их или даже снять полностью, если ты покоришься мне.

– Вы чудовище! Вы убили на моих глазах того несчастного парня. Лишили его жизни просто потому, что сами так захотели. Я никогда вам не покорюсь, никогда не склоню голову!

Я буквально выкрикиваю это, а после с ужасом затихаю, видя, как загораются глаза демона. Сердце тут же пропускает пару ударов, ведь я совершенно не знаю, какой будет реакция воина на мои слова в этот раз.

Замираю, когда демон кулак свой огромный поднимает, и чисто инстинктивно закрываюсь от него руками, ожидая удара, однако его не следует. Одним рывком Алихан сдирает с моей головы накидку, освобождая россыпь белых длинных волос. Я вижу, как оранжевое пламя в его глазах становится от этого больше. Оно буквально прожигает меня насквозь.

– Сколько тебе лет, женщина?

– Мне уже восемнадцать.

Удивленный смешок заставляет непонимающе взглянуть на демона. Хоть он сейчас и улыбается, я не вижу ни капли доброты на его лице. Оскал скорее это хищный и очень опасный.

– Почему вы смеетесь?

– Вот откуда эта дурость твоя. Тебе всего восемнадцать. Ты молода и глупа, женщина, но я подчиню тебя. Ты покоришься мне, Саназ, и очень скоро.

Алихан как-то странно смотрит на меня, словно оценивает, и от взгляда этого мне хочется провалиться под землю.

– Ты голодна? Я могу дать тебе самую вкусную пищу, что ты пробовала когда-либо. Поклонись мне, попроси. Признай своего Господина – и больше не будешь страдать от голода и жажды.

Замираю, когда одним рывком демон привлекает меня к себе и быстро пробирается рукой под мою накидку, касаясь горячими пальцами оголенной груди.

Он обхватывает небольшое полушарие и сжимает сосок практически до боли, отчего я невольно вскрикиваю. Так нагло и распутно со мной еще никто себя не вел. Да меня вообще никто в жизни еще так не касался, как этот огромный жестокий воин. Остро, совершенно дико и необузданно, и от прикосновения этого у меня что-то в животе покалывает начинается. Томно и тяжело, до дрожи в коленях, и от этого мне становится не по себе.

– Пустите! Не трогайте меня. Вы мне не хозяин, вы вообще мне никто! Да я лучше умру, но не попрошу у вас никогда и ничего!

Впиваюсь в его руку ногтями, с силой отталкивая этого огромного мужчину, но это все равно что стену с места сдви-

нужно. Алихан так и продолжает нагло трогать мою грудь, и я просто не выдерживаю от такого напора. С силой плюю ему в лицо, тут же жалея о содеянном.

Взгляд демона в один миг меняется, и теперь вместо горячих пальцев на нежной коже груди я чувствую острые, как лезвия, когти. Он водит ими по моим полушариям, заставляя тут же забыть, как дышать. Одно неверное движение, и Алихан просто проткнет меня когтями насквозь, насадив мое сердце, как шашлык на шампур.

Я уже не могу сдержать слезы, когда демон специально задевает мой сосок острым как бритва когтем. Он не ранит меня, однако мы оба понимаем, что это только дело времени. В какой-то момент воин отпускает меня, отчего я невольно на землю падаю, тут же закрываясь от него своим балахоном накидки.

Его разъяренный голос прорезает воздух над моей головой как острым клинком:

– Шамиль!

– Слушаю, мой Господин.

– Лишить этой рабыни еды и пищи. Не кормить, пока сама не попросит еды. У своего хозяина.

– Да, повелитель.

Алихан уходит, ни разу больше не взглянув в мою сторону, а я просто зверею от злости. Пусть делает что хочет. Пусть лишает еды и воды. Ему все равно не сломить меня и не подчинить. Никогда!

– Я не попрошу у вас ничего! Слышите, никогда в жизни этого не будет. Никогда!

Я бешусь еще несколько минут, но никому до меня нет никакого дела. Все заняты лишь наблюдением оргии, которую устроили несколько солдат у самого большого костра. Меня же всю колотит, и я лишь отчаянно дергаю за свои кандалы, что есть сил пытаюсь содрать их со своих раненых ног.

В какой-то момент ржавый металл каким-то чудом мне поддается и начинает расшатываться. Не веря своему успеху, я тихонько отворачиваюсь от всех спиной, продолжая распиливать этот ужасный механизм обломком от неподалеку найденного ножа.

Глава 5

Я распиливаю свои кандалы предельно незаметно и тихо, моля Бога о том, чтобы меня никто не увидел. По моим щекам стекают горькие слезы обиды на этого демона проклятого. За то, что касался меня бесцеремонно, за то, что смеет решать мою судьбу и считать, что я еще кланяться ему за это буду. Больше ни на минуту не собираюсь оставаться в лапах Алихана. Пусть он и возомнил себя хозяином всех и каждого, но я ему не принадлежу и никогда не стану его.

Не знаю, сколько проходит времени, но у меня уже руки жечь начинает от постоянного трения ножом о ржавые кандалы, но, к счастью, мои усилия срабатывают. Я все же подпиливаю их достаточно для того, чтобы с силой дернуть и разломать пополам этот ужасный механизм, и сразу же отбрасываю от себя кандалы подальше, наконец чувствуя себя свободной.

Быстро по сторонам осматриваюсь. Вокруг слишком много народу, чтобы я просто могла сбежать, поэтому я максимально затаиваюсь, сливаясь с толпой таких же рабынь, как и я, стараясь стать собственной тенью, чтобы меня даже никто не заметил.

Глубокой ночью свита укладывается спать. Засыпают слуги, и даже маленький Тай, разносящий хлеб, уже сопит на боку. Улеглись все, но только не я. Я лежу на холодной земле

и выжидаю время. Точно дикий зверек, я жду удобного момента, пытаюсь хоть как-то согреться в этой морозной ночи.

Когда я уже готовлюсь сделать отчаянный шаг к побегу, из-за скалы до меня доносится какой-то треск, и уже через минуту с ужасом вижу, как на нашу свиту набрасываются какие-то жуткие дикари. Они появляются словно из ниоткуда, сразу же начиная хладнокровно убивать все живое на своем пути.

Их страшные черные морды все измазаны в крови, а в руках блестят острые кинжалы. Они издают истошный крик, вспарывая животы еще спящим воинам и не успевшим отойти от шока слугам.

От разом охватившего меня ужаса я даже закричать не могу. Я не видела такого даже в самых страшных фильмах ужасов, а то, что сейчас творится прямо у меня на глазах, трудно представить наяву.

Изверги режут и отрывают руки, беспощадно вспарывают животы и буквально раздирают рабынь на части. Свита Алихана уже через несколько секунд поднимается, давая жесткий отпор нападавшим. Они распиливают дикарей, как мясо на рынке, разрезая их пополам и снося им головы.

Все это похоже на какой-то жуткий кошмар, который все никак не заканчивается. Ни разу в жизни я не испытывала такого страха, как сейчас. Меня тут же тошнит, когда я вижу, как радуется один из воинов Алихана, нанизав чьи-то кишки на меч, а второй умывается кровью своего убитого врага.

Мое дыхание сбивается, когда в какой-то миг мне на лицо брызгает чья-то кровь, и перед глазами всего на секунду все становится кроваво-красным.

Я тут же кандалы свои перепиленные отбрасываю и несусь куда глаза глядят. Я бегу босая по каменистой дороге, совсем не замечая жуткой боли в ногах и усталости в теле. Адреналин дает мне сил и избавляет от чувства боли, заставляя работать в экстренном режиме выживания.

Не знаю, сколько проходит времени, но я не останавливаюсь, пока не добираюсь до каких-то густых кустов, и пробираюсь в их зарослях, проталкиваюсь локтями, больно царапая свое лицо колючими ветками.

Мое сердце так быстро стучит в груди, что я невольно хватаю воздух, но не могу сделать ни одного нормального вдоха. Только обрывками жадно вдыхаю, пытаюсь не потерять сознание от шока.

Мне кажется, что я бегу очень быстро и уже преодолела как минимум несколько десятков миль, однако на самом деле от усталости едва ли пробираюсь больше километра. Позади меня все еще раздаются истошные крики и вой, которые никак не стихают. В этот момент я понимаю, что если бы хоть на миг там еще осталась, то уже ничего не боялась бы, так как меня бы уже давно в живых не было.

От голода у меня все плывет перед глазами, и я отчаянно пытаюсь найти дорогу в этих зарослях, но темнота такая

сильная, что я едва могу видеть собственные дрожащие руки впереди.

В какой-то момент все затихает, и я с облегчением выдыхаю, видя, что попала на какой-то просторный луг. Меня всю колотит, но я безумно рада, что сумела спастись. Я провожу рукой по лицу и только от небольшого света луны вижу, что моя ладонь вся в крови, и я даже не знаю, чья она. Тошнота тут же подкрадывается к горлу. Меня ужасно мутит, однако мой желудок давно пуст, поэтому я отделяюсь лишь жуткими рвотными спазмами.

На улице дико холодно, но я заставляю себя подняться и идти дальше. Я не знаю, кто победил в той битве, однако не намерена больше встречаться ни с одним из этих тварей.

Кажется, я бреду по какой-то пустынной дороге еще несколько часов, пока бессильно не сваливаюсь в какой-то глубокий крутой овраг. Я настолько уставшая и изнеможенная, что решаю тут отлежаться всего лишь несколько минут, даже не замечая, как практически сразу проваливаюсь в тяжелую дремоту.

Я просыпаюсь только под утро от такого жуткого холода, который пробирает меня до костей и сковывает металлическими оковами все тело. Тут же опасливо оглядываюсь по сторонам, пытаюсь хоть немного сориентироваться, куда забрела ночью. Я все еще в глубоком овраге между двумя огромными горами. Он густо усеян зеленым мхом, из-за ко-

торого эту ночь я спала непривычно мягко, словно в своей родной постели.

Быстро поднимаюсь и пытаюсь выбраться из этого оврага, хватаясь за ветки деревьев, но из-за острой боли в ногах едва могу ими пошевелить. Сделав несколько десятков попыток, с ужасом обнаруживаю, что раны на моих ногах начали кровить и пошло воспаление. Все стало куда хуже, чем было вчера. Вытирая слезы на ходу, я отчаянно пытаюсь выбраться из этой ловушки, в которую сама себя загнала.

Спустя несколько минут я все же выбираюсь из оврага, выползая из него буквально на руках, однако, как только наверху оказываюсь, тут же с взглядом диким и звериным встречаюсь. Огромный серый волк стоит прямо напротив меня, издавая злой и громкий рык. Из его черной пасти стекает белая густая пена, а голова просвечивает кости черепа. Этот адский зверь зло скалится при виде меня, загребая лапой землю, отчего я тут же понимаю, что он готовится к прыжку. На меня.

От слабости я едва успеваю среагировать. Быстро назад отступаю от волка этого проклятого, пока своей раненой ногой не наступаю на острый камень. Меня тут же пробирает волна жгучей боли, и я невольно падаю на колени, чисто машинально закрывая голову руками от волка, который уже на полную бросается ко мне.

Я готовлюсь к неминуемой смерти, сжимаясь вся и превращаясь в маленький комок нервов, пока не слышу жуткий

скулеж волка, который раздается всего в нескольких сантиметрах от моей головы. Уже через секунду до меня доносится жуткий треск костей, и я с ужасом вижу оторванную голову этого зверя, камнем свалившуюся в овраг.

Мое сердце останавливается, когда теперь вместо этого адского пса я вижу перед собой гораздо более опасное существо. Его оранжевые глаза пылают огнем злости, раздражения и мести. Мне за побег. Он возвышается надо мной огромной горой, заставляя почувствовать себя еще меньше. С его острых когтей все еще стекает алая волчья кровь. С ужасом понимаю, что это сам Алихан, он так быстро нашел меня.

Кажется, время останавливается, когда я вижу перед собой этого демона, а еще его крупные острые когти, которыми он так легко оторвал голову той жуткой псине.

Пячусь назад. Ничего страшнее этого мужчины я в жизни своей не видела, а теперь он нашел и меня. И, кажется, хочет сделать то же самое, что сотворил еще недавно с этим огромным волком, безголовое тело которого все еще валяется неподалеку от меня.

– Ты знаешь, что бывает с беглыми рабами? Или так сильно захотелось стать кормом для здешнего зверья?

Голос Алихана могильным холодом веет, но в то же время он такой спокойный, словно не он только что голыми руками убил это дьявольское существо. Я стою перед ним на

коленях, понимая, что бежать нет смысла. Демон везде меня догонит, везде меня найдёт.

– Я не ваша рабыня! И не собираюсь больше находиться с вами.

– Ты посмела сбежать от своего хозяина, Саназ, и будешь наказана за это, – он говорит это совершенно обыденно, а я... каменею от ужаса.

– Как это наказана... что это значит? Вы не посмеете!

Непонимающе смотрю на Алихана, а после поворачиваю голову и вижу несколько подошедших слуг воина.

– Парс, привязать ее к ближайшему столбу.

Мое бедное сердце падает куда-то вниз от услышанного. Липкий страх разом окутывает всю меня, заставляя еще больше сжаться и обхватить себя руками.

Глава 6

Уже через секунду ко мне подходит высокий светловолосый слуга, который бесцеремонно сгребает меня в охапку и тащит прямо к свите, бросая на землю у самого большого костра.

Тех дикарей, что напали на нас, больше нет, однако их трупы валяются практически везде. Мое появление в свите встречают громким улюлюканьем и причитаниями. Они словно готовятся к чему-то, а у меня кровь стынет в жилах от непонимания и ожидания неизвестности.

С ужасом отползаю назад, видя, как вокруг меня собираются воины, слуги и демоны. Рабы тоже смотрят, хоть и опускают взгляд. Кажется, все знают, что сейчас со мной случится, кроме меня самой.

От шока я сильно обхватываю себя руками, судорожно вдыхая воздух. Я вижу, как уже спустя минуту все расступаются, пропуская вперед Алихана. Многие ему в ноги падают, но он никого не замечает в эту секунду, кроме меня.

– Умоляю, не надо... – прошу его, а сама не знаю, о чем именно. Не убивать, наверное. Пощадить, не делать больно, однако все слова просто застревают у меня в горле, когда я вижу в огромной руке демона черный кожаный кнут, на конце которого прикреплены маленькие металлические лезвия. Они качаются по сторонам при каждом его шаге, разрезая

воздух на мелкие тонкие ленты.

Тот, кого именуют Парс, тут же хватает меня, как куклу, за предплечье и подводит к высокому столбу. Он заводит мои руки вокруг него, обвязывая их тугими веревками, из-за которых я даже двигаться толком больше не могу. Все, на что я способна в эту минуту, – жалко скулить от ужаса, обнимая столб, и отчаянно бояться расплаты жестокого демона за свою неудавшуюся попытку побега.

В один миг толпа затихает, и я слышу лишь глухие шаги демона. Он подходит ко мне так близко, что я невольно улавливаю его запах. Этот аромат не вызывает во мне брезгливости, а наоборот, притягивает, хоть в тот момент я уже не могу ни о чем думать, кроме ожидания адской боли.

В какой-то миг я чувствую горячие пальцы Алихана на своей шее и чуть ли не подпрыгиваю от этого. Его прикосновение к нежной коже как током меня бьет, и я лишь больше содрогаюсь от страха, сильнее обнимая столб.

Сквозь полные слез глаза я уже почти ничего не вижу. Лишь слабые очертания трупов и озверевших воинов, которые хотят зрелища. Мне страшно. До такой степени, что даже молить демона о пощаде я сейчас просто не могу. Как окаменела вся, застыла перед ним, будучи привязанной к тому огромному столбу.

Задерживаю дыхание, когда своей огромной рукой Алихан проводит по моим волосам, откидывая их разом мне на плечо и грудь. Зачем он это сделал, что он собирается...

Уже через секунду я слышу громкий треск своей накидки, которая тут же падает на землю, оголяя мою спину до пояса.

Кажется, я уже умерла. От страха. Я больше не слышу улюлюканья и оголтелого посвистывания заведенной толпы. Они хотят зрелища, и они его получают. Еще одна рабыня, тростинка, которую снова разорвет зверь.

С силой обнимаю этот столб, сотрясаясь в рыданиях. Он не пощадит меня. Не помилует.

Всхлипываю в голос, когда чувствую, как демон проводит ладонью по моей голой спине, проходясь по позвоночнику и опасно спускаясь к ягодицам. От жара его кожи, кажется, согревается каждая клетка моего тела, заживо сгорая дотла. Он просто сделан из огня, или же моё тело так воспринимает любое тепло после трех суток постоянного холода.

– Покорись хозяину, шариха, и я не буду портить твою нежную кожу.

– Нет, пожалуйста, не надо... – едва выдавливаю из себя. Я не могу этого сделать. Не могу. Рыдания сдавливают все мое тело.

– Признай меня Господином, Саназ, и будешь помилована!

– Нет! Не будет этого, никогда!

– Тогда будешь орать от боли, принимая наказание за свой глупый побег.

Наверное, я еще никогда в жизни так не орала и не чувствовала ТАКОЙ боли. Она пронизывает меня раскаленной

лавой до самых костей, когда демон замахивается и в первый раз ударяет по моей голой спине кожаным кнутом.

Я буквально чувствую, как моя кожа прорезается, тонкие лезвия вспарывают ее, как растаявшее сливочное масло.

Слезы безостановочно катятся из глаз. Я больше не могу себя контролировать и реву в голос, однако быстро понимаю, что это только заводит публику. Возгласы и довольные крики усиливаются. Им определенно нравится то, что они видят, а мне умереть хочется от такого позора.

До боли сжимаю зубы и терплю, но, когда демон второй раз ударяет меня кнутом, снова истошно вскрикиваю. Не могу сдержаться. Это выше моих сил. Даже представить страшно, что он уже сделал с моей спиной, которая теперь горит огнем.

Обнимаю столб, полностью к нему примыкая, и совсем скоро чувствую, как ближе к пояснице по моей коже начинает катиться что-то густое. Вероятно, это моя кровь, которая уже стекает ручьями из раненой кожи.

Наверное, я слишком слабая, но сразу же после третьего удара я чувствую, что мне уже не больно. Я полностью опираюсь о столб и в какой-то момент просто теряю опору в ногах. Перед глазами все плывет, и кажется, я теряю сознание, но нет. Мой обезумевший от ужаса разум не спешит покидать меня, поэтому я нахожусь все еще в сознании, когда слышу, как Алихан отбрасывает кнут в сторону, грубо говоря что-то на незнакомом мне языке.

– Отвязать и поставить рядом с рабами. Заменить кандалы, чтоб не сбежала снова. Не поить. Не кормить, пока сама не попросит. У своего Господина.

– Да, мой господин.

Парс тут же отвязывает меня, и я кулем сваливаюсь на пол. От адской боли в спине почти не могу двигаться. Только пытаюсь прикрыться ошметками накидки, которую разорвал на мне этот проклятый демон. От сильной истерики не могу вымолвить ни слова, только вижу сквозь слезы, как Алихан уходит, даже не взглянув на меня больше ни разу. Он наказал свою рабыню, поэтому какой смысл ему еще смотреть на нее?

Парс поднимает меня и тащит к другим рабам, точно мешок картошки, так как я едва ноги волочу после этой ужасной пытки. Боль в спине такая сильная, что я плачу безостановочно еще целый час. Моя разодранная накидка вся промокла в крови, которая, кажется, не остановится уже никогда.

Я не могу увидеть, что у меня со спиной, но думаю, там не осталось ни единого сантиметра живой кожи. Он разодрал ее всю. До остатка изрезал, но я ни о чем не жалею. Я лучше сдохну, но не признаю себя собственностью этого нелюдя. Ему не добиться этого. Ни за что в жизни.

Как только среди рабов оказываюсь, ищу хоть малейшее сожаление в их глазах, но его нет. Напротив, рабы недовольно смотрят на меня, похрустывая своими кандалами.

Я отползаю от них подальше, тут же на землю сваливаясь. Не могу лежать на спине, поэтому лишь на бок поворачиваюсь, стараясь не задеть свои раны.

– Парс, почему они так смотрят на меня?

– Рабы злятся за тебя. Ты унизила их.

– Я? Господи, чем?

– Ты посмела сбежать от Господина и при этом избежать наказания.

Не верю в то, что слышу. Как это вообще возможно?

– Как они могут так считать? Разве не меня только что били кнутом до потери сознания? Разве это не было наказанием?

Кривая улыбка воцаряется на лице Парса, словно сейчас я сказала что-то нелепое.

– Конечно, нет, шариха. Это детский лепет был, а не настоящее наказание рабыни в Хамадане за побег. Ты посмела послушаться своего Господина, а потом еще и сбежать. Сам удивляюсь, как ты еще дышишь.

– Я не понимаю. А какое наказание следует за побег рабам?

– Смерть. Всегда. В жутких муках. Вот только я не знаю, почему Алихан оставил тебя в живых. И они тоже не знают. И ненавидят тебя за это, так что смотри крепко не засыпай. Теперь все рабы мечтают, чтобы ты подохла поскорее и не нарушала больше строгие законы Тегерана, в которых никогда нет отступлений.

Я прихожу в шок от услышанного, но боль в спине такая сильная, что мне уже откровенно плевать на то, кто и что думает. Все, что я могу сейчас, – просто лежать на сырой земле, чувствуя, как из моих ран все еще продолжает сочиться кровь.

Малейшее движение при этом приносит просто адскую боль, поэтому я стараюсь даже не дышать лишний раз.

Сквозь жуткое жжение в спине и застилающие глаза слезы вижу лишь, как Парс наклоняется и захлопывает новые кандалы на моих ногах. На этот раз они совсем без ржавчины и туго соприкасаются с кожей, лишая даже малейшего шанса на побег.

Когда этот белобрысый слуга уходит, я остаюсь совсем одна среди всех этих зверей. Истерзанная, униженная и напуганная, однако все это ничто по сравнению с ненавистью, которую я теперь испытываю к своему палачу.

Алихан. Демон Хамадана, полководец армии Тегерана. Тот, чьей смерти я сейчас желаю больше всего на свете и к кому чувствую такую жгучую ненависть, которую еще никогда не испытывала в своей жизни. Он наказал меня, унизил, сделал больно, однако я все еще не понимаю, почему он оставил меня в живых.

Глава 7

Эта мелкая шармута не привлекает моего внимания ровно до того момента, пока Икран ее снежные волосы не распускает и она не укрывается ими, как белым покрывалом. Когда же этот грязный шакал ее одежду разрывает, показывая небольшую налитую грудь девушки, я тут же ощущаю прилив возбуждения в паху.

Эта молодая человечка трясется как дикий ягненок, пока мои воины пожирают ее тело глазами. У нее очень бледная кожа и розовые стоячие соски, которые тут же становятся налитыми бутонами на холодном пронизывающем ветру.

У меня уже есть тысячи рабынь и сотни наложниц, однако почему-то я ощущаю желание взять эту шармуту себе. Чтобы насладиться ее юным телом, чтобы собственными руками ощутить нежность ее кожи.

Саназ. Я даю ей это имя, так как она и правда необычная. Ее голубые глаза разят чистотой и невинностью, а дрожащие губы возбуждают мои самые грязные желания. Я хочу ее. Всю и до последней капли.

Я ожидаю покорности от этой человечки, однако рабыня оказывается поистине дикой и совершенной необузданной. Когда на цепь ее наступаю, Саназ еще больше трястись начинает. Из глаз ее течет прозрачная вода, делая все лицо мокрым. В будущем я буду видеть эту воду постоянно, особенно

тогда, когда она будет смотреть прямо на меня.

Я смотрю в глаза этой молодой шармуты и не верю, что они реальные. Прозрачные и чистые, голубые, как целебный ручей, они сразу же запоминаются мне, вбиваясь в голову.

Мы забираем девушку и привязываем ее к остальным рабам. Уже с первых минут я вижу, что она дико упрямая, поэтому практически сразу жалею о том, что не убил ее вместе с Икраном. Она совершенно не знает, как быть рабыней и подчиняться хозяину.

Хуже того, эта молода шариха даже вздумывает противиться, всеми силами не желая мне подчиняться, чем делает себе только хуже. Кажется, она еще не знает, что никто не смеет перечить мне, а тот, кто решится, лишится головы.

Я понимаю в последний момент, что Саназ просто не знает, что я не человек, поэтому так глупо и отчаянно ведет себя со мной. Когда она отказывается признать меня ее хозяином, я не сдерживаюсь. Мой демон тут же наружу вырывается, отчего я хватаю первого попавшегося под руку слугу и вырываю ему сердце, разодрав когтями его грудь. Вот кто я такой. Я демон и всегда им был.

Сжимая сердце этого парня в руке, я жду покорности от своей рабыни, однако вместо подчинения девушка громко вскрикивает. В этот момент что-то меняется в ее взгляде. Там больше не гордость девичья плескается, а ужас вселенский, направленный на меня.

Уже через секунду рабыня просто сваливается на землю,

разом лишаясь сознания.

Проклятье. Не такой реакции я добивался, хотя не могу сказать, что мне это не понравилось. Рабыня должна знать в лицо своего хозяина и подчиняться ему беспрекословно во всем.

Выбрасываю это чертово сердце из рук, недовольно смотря на девушку. Ее словно молния скосила, и теперь она просто лежит на земле, как маленькая сломанная кукла.

Шамиль подходит ко мне первым. Как всегда.

– Что прикажете, мой Господин? Отдать собакам непокорную?

Я долго смотрю на красивое тело этой рабыни с белыми волосами, которое сейчас окутано в рваные лохмотья. Хочет того или нет, она покорится мне. И очень скоро.

– Нет. Отнесите ее к рабам. Проследите, чтобы не умерла до утра.

– Да, мой повелитель. Нил, бери ее.

Слуга подхватывает Саназ под руки, и я вижу, что она все еще без сознания. Ее лицо стало еще более бледным, чем было еще минуту назад.

– Стой, Шамиль. Почему рабыня такая слабая? Она что, больная?

– Думаю, что нет, Господин. Она человечка, а тем более женщина. Люди все безумно слабые и ломаются очень быстро, впрочем, так же как и продаются. Она просто испугалась вашего облика, увидев впервые своего хозяина.

Сжимаю зубы. С таким упрямством эта белоснежная девица в Хамадане не протянет и дня. А учитывая ее редкую внешность, ее растерзают при первой же возможности.

— Позаботься о том, чтобы никто из свиты не смел коснуться Саназ. Она моя. И только.

Шамиль как-то слишком долго смотрит на меня, но после все же утвердительно кивает. Я и не ожидаю другой реакции от него. Мое слово неоспоримо. И я есть сам закон для каждой твари тут.

В эту ночь я впервые закрываю глаза с мыслями о своей необычной рабыне, которая еще не покорила мне, но обязательно сделает это. Я хочу испытать ее молодое нетронутое тело. Я хочу испить ее до дна.

***

До Таара остается меньше десяти миль, когда глубокой ночью на нас нападают местные орки. Кто-то заранее сдал наше местонахождение, так как они нас уже ждали в засаде — и, видимо, давно.

Мы вырезаем этих паршивых шакалов всего за несколько минут, претерпев минимальные потери, однако это все равно расшатывает мою свиту. Никто не ожидал удара, отчего мои воины взбудоражены и сбиты с толку. Я же хочу вспороть живот тому предателю, который сдал наше местонахождение явно за какую-то стопку золотых монет.

Вытирая меч от вражеской крови, быстро прохожусь

взглядом по слугам и рабам. Сам себе удивляюсь, когда понимаю, что я ищу ее. Свою новую рабыню, которой сейчас нигде не видно. Словно испарилась, под землю за это время провалилась. Никто из рабов ее не видел, но и труп Саназ я также не нахожу.

Я прихожу в ярость от понимания, что эта глупая рабыня просто сбежала, когда мальчишка Тай приносит мне ее распиленные ржавые кандалы, которые я превращаю в жалкий кусок металла, сжимая до скрипа.

Она не только не покорилась мне, но и посмела сбежать. Показать своенаравие и дурной пример другим, за что, несомненно, поплатится сполна. Я смотрю на кровавые следы от ее ступней, ведущие по скалистой дороге, и уже предчувствую, как буду ее наказывать.

Найти Саназ оказывается гораздо проще, чем я думаю. У ее очень сильный запах, к тому же рабыня так неосторожно повсюду оставляет следы, что я нахожу ее уже через несколько часов.

Я ожидаю увидеть ее в этот момент на коленях, молящей меня о прощении, но никак не стоящей над пропастью со скалящимся напротив лесным волком. Он готовится к прыжку, и я улавливаю это молниеносно, тут же перехватывая зверя и отрывая ему голову от тела. Укус этого зверя смертельный, а я еще сам желаю насладиться телом рабыни сполна и делиться ни с кем не собираюсь.

Ее глаза в тот момент, когда замечает меня, выглядят по-

истине дикими. Эта полоумная рабыня уже собирается прыгать в пропасть, но я успеваю крепко ее за руку схватить, к себе прижимая. Она брыкается, как дикая кошка, в моих руках, однако ее тело очень хрупкое. Я даже силу вообще не прилагаю, чтобы зажать ее в тиски, видя, как ее голубые глаза наполняются слезами ужаса при виде меня.

Маленькая упрямая чертовка. В этот миг я должен разорвать ее на куски за побег, но не делаю этого. Не покорившаяся мне не умрет, но наказание свое получит сполна.

Приказываю привязать беглянку к столбу, однако, увидев ее голую белоснежную спину, тут же жалею, что не убил ее сразу. Проклятье. Я знаю свой кнут, и он не оставит ни сантиметра живой кожи после себя, однако отпустить рабыню так просто я не могу. У меня в подчинении тысячи подданных, и, как полководец армии Тегерана, я не могу оставлять бегство раба без наказания.

Я даю Саназ последний шанс покориться, ловля удивленные взгляды подданных, но рабыня снова решает противиться мне, за что получает свое наказание сполна.

Эта упрямая девчонка тяжело дышит и содрогается, будучи привязанной к столбу. Я улавливаю ее дикий страх, как только оказываюсь рядом. Она вздрагивает от одного только моего прикосновения, хотя я еще даже не коснулся ее кнутом.

Ее тело, чуткое и податливое, сейчас содрогается от холода и страха. А виной тому упрямство, которое живет в ее

голове.

Быстро беру ее волосы и на грудь откидываю. Они мягкие и приятные. Точно шелк, рассыпаются в моих руках.

Саназ вскрикивает, когда я провожу рукой по ее позвоночнику, а я едва сдерживаюсь, чтобы не разорвать ее накидку полностью. Я жажду растерзать юное тело прямо сейчас, без промедления. Хочу ее тело, и это дикое желание уже становится навязчивым.

Сильнее сжимаю кнут в руке и наношу первый удар, слыша истошный крик Саназ. Я предвкушал получить удовольствие, наказывая рабыню, но сейчас не испытываю ничего похожего, видя, как ее белая кожа лопается от кнута, в одночасье покрываясь глубокими ранами. Из распоротой ткани тут же начинает стекать кровь густыми алыми каплями.

Уже после третьего удара упрямица затихает, почти теряя сознание, а я с силой заставляю себя остановиться. Знаю, четвертый удар стал бы для нее последним. Человечка бы не выжила, учитывая слабость ее натуры, а я не хотел убивать ее. Я желал обладать ею. Всею. До последней капли крови.

Отбрасываю окровавленный кнут в сторону, видя, что Саназ больше не шевелится. Рабыня получила свое наказание, хоть и не покорилась мне, но она сделает это, если все же захочет выжить.

Вскоре подходит Парс и отвязывает ее от столба. Он накрывает рабыню накидкой и под руки тащит к остальным рабам. Я ловлю из-под опущенных ресниц Саназ затуманенный

взгляд, который заставляет меня сжать зубы. Проклятье! Из ее омутов голубых снова льется вода. Она хрипло дышит и обхватывает себя руками от боли.

Почему-то от вида ее окровавленного тела мне становится не по себе, хоть я и видел такое уже тысячи раз, сотни из которых сам выступал палачом.

Толпа тут же расходится, но только не Шамиль. Кажется, он уловил мое решение и совсем не понял его.

– Мой Господин, и это... все?

– Рабыня понесла наказание. Для ее тощей шкуры этого достаточно.

– А как же закон? Шариха посмела сбежать от вас, сбросить кандалы!

– Я все сказал, или ты смеешь усомниться в моем решении, пес?

– Нет-нет, не смею.

Мой верный помощник тут же голову понятливо опускает, перебирая бусы в руках. Хоть он и молчит сейчас, я знаю, Шамиль не одобряет такого решения, и это выводит меня из себя.

– Не смей смотреть на меня так! Я так решил, и точка.

Быстро на коня своего запрыгиваю и обхожу свиту. Никто не смеет меня послушаться, однако один из них уже меня предал, спровоцировав засаду, и я обязательно найду кто. Моя армия должна окрепнуть, ведь, чтобы сразиться с Аменом за земли Ширеза и Тегерана, мне потребуется такое сильное

войско, которого у меня еще никогда не было.

Нам нужно ускорить шаг, иначе до Таара мы будем добираться по меньшей мере сутки, а у нас просто нет этого времени. С каждым часом Ширез осаждают набегии орков, и нам нужно приложить все силы, чтобы одержать победу в этой войне.

Мы возобновляем путь и продолжаем его держать до самого вечера. На моих плечах сотни тысяч подданных, однако почему-то все мои мысли в этот момент об упрямой белокурой рабыне, которую я сегодня наказывал кнутом и которая покорится мне, хочет она того или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.